

Спустя более десяти минут ожидания наконец наступила их очередь.

Жун Тин впервые оказался на обычной кассе, которую окружали небольшие полки с кучей разных вкусов. От скуки мальчик принялся их разглядывать.

Жевательная резинка. О, он уже ее пробовал. На вкус было неплохо, и он даже научился надувать пузыри.

Жун Тин уверенно схватил пачку жвачек с фруктовым вкусом и положил на конвейер.

Видя, что отец-император не реагирует, Жун Тин снова наклонился. Спустя некоторое время он схватил пачку «Skittles» в серебряной коробочке. На упаковке не было написано, что это конфеты, но это же определенно что-то съедобное, так ведь?

Жун Хэн заметил, как его сын принялся набирать что-то, и окинул все взятое им быстрым взглядом. Все упаковки пестрили яркими цветами, так что он не обратил особого внимания.

Вместо этого Жун Хэн подошел к кассиру. Тот назвал сумму, и мужчина достал деньги из кошелька. Хотя это и было дольше, зато определенно удобнее.

— Возьмите, пожалуйста, чек.

Жун Хэн принял чек и сунул в карман пальто, прежде чем подобрать пакеты и выйти из магазина с Жун Тином.

Хоть в супермаркете и были кондиционеры, огромное количество людей и отсутствие свежего воздуха делали свое дело, заставляя людей чувствовать удушье внутри и радостно вдыхать, оказавшись на улице.

Отец с сыном решили, что магазинов с них хватит, и направились домой.

Дома Жун Тин достал незаметно купленную пачку лапши быстрого приготовления и спрятал ее. Затем он вбежал на кухню и спросил:

— Отец-император, тебе нужна моя помощь?

А то создавалось впечатление, что в таких делах его отец еще бесполезнее него самого.

Жун Хэн покачал головой и закатал рукава:

— В этом нет нужды.

Хоть он и отказался, Жун Тин все равно беспокоился. Он притащил небольшую табуретку и уселся на кухне, наблюдая за Жун Хэном. Видя, что отец-император, судя по всему, не собирается промывать рис перед готовкой, Жун Тин поспешно напомнил:

— Отец-император, ты должен промыть рис. Мать-императрица всегда делает это по два-три раза перед готовкой.

— О...

Таким образом, Жун Тин решил воспользоваться возможностью незаметно помогать Жун Хэну готовить. Он подсказал, как включить газовую плиту и вытяжку. И это повергло его в пучину отчаяния. Хоть Жун Тину и не особо нравилось есть вне дома, перед таким испытанием ему очень хотелось спросить: «Отец-император, почему бы нам не сходить в ресторан?»

Но он не осмелился, ибо отец-император, судя по всему, очень серьезно и ответственно подходил к делу. Поэтому Жун Тину оставалось только радоваться, что все специи на кухне подписаны. Отец-император, по идее, не должен перепутать соль с сахаром и уксус с соевым соусом.

Жун Хэн ни разу не готовил, но он, в конце концов, был человеком неглупым, а инструкции Сунь Цимина очень детально описывали весь процесс. Жун Хэн несколько раз перечитал рецепт и принялся за работу.

Жун Тин сначала не особо надеялся и не ждал ничего от этого ужина, но позже, наблюдая, понял, что... может быть, ему есть чего дожидаться.

Больше всех на свете Жун Тин восхищался своим отцом-императором. Хоть у него и были сомнения и подозрения по поводу его личности и пребывания в нынешнем времени, уважение от этого не убавилось.

Высказав все свои сокровенные эмоции и переживания вчера, Жун Тин почувствовал облегчение, но сейчас, наблюдая за тем, как отец старательно готовит, он не мог не задуматься. Ответ, данный ему матерью-императрицей, был не более чем ее догадкой. Может, лучше будет поинтересоваться у самого отца-императора? Жун Тин хотел спросить, почему отец-император прикидывался, что потерял память, почему обманывал их...

Он не был уверен, стоит ли спрашивать, поэтому покинул кухню и отправился к себе в комнату. Закрыв за собой дверь, Жун Тин тихо набрал номер телефона Сун Юйань.

Мать-императрица говорила ему задавать ей вопросы обо всем, что ставило его в замешательство.

В больнице дедушка Сун потребовал чего-нибудь сладенького. Сун Юйань, посоветовавшись с

врачом, отправилась на первый этаж больницы в поисках автомата. Прежде чем она успела кинуть монетку, ее телефон зазвонил. Девушка достала его из кармана и увидела высветившееся имя: «Милашка Гугу». Она подсознательно улыбнулась, подняла трубку и незаметно для себя невероятно нежно спросила:

— Гугу, что-то случилось?

— Мать-императрица... — Жун Тин вцепился в телефон и понизил голос. — Я хочу спросить отца-императора, почему он притворился, что у него амнезия, и соврал. Можно?

Сун Юйань знала, что ее сын — честный человек, которому обязательно нужно знать ответы на все волнующие его вопросы.

Хоть она и не хотела, чтобы Жун Тина затрагивали ее отношения с Жун Хэном, и в глубине души вообще надеялась, что он ничего не поймет, она не смогла бы остановить его, захоти он все узнать. Спустя несколько секунд молчания Сун Юйань тихо ответила:

— Если действительно хочешь — спроси. Он же твой отец, у вас должны быть очень близкие отношения.

— А отец-император не будет меня винить? А ругать не будет? — неуверенно осведомился мальчик.

— А он тебя когда-нибудь ругал? — в ответ спросила Сун Юйань.

Жун Тин кивнул. Затем он понял, что говорит по телефону, и торопливо произнес:

— Нет, отец-император был просто строгим. Он никогда не ругал меня.

— Значит, спроси, если хочется. Если он тебя обвинит или поругает, расскажи мне.

После этого Жун Тин понял, что уже и не боится вовсе!

Точно, все ведь уже совсем не так, как было! Раньше во дворце не было матери-императрицы, а теперь она была на его стороне. Теперь у него была мама.

— Хорошо! Тогда я расспрошу отца-императора позже!

— Угу.

«Позже» Жун Тина затянулось. К моменту, когда обед был готов и подан, уже прошел час.

Желудок Жун Тина урчал от голода, поэтому он решил отложить серьезный разговор, пока они не поедят.

На самом деле, чтобы строго соблюдать все шаги в рецепте, тоже требовался особый талант.

Для перфекциониста вроде Жун Хэна было невозможно приготовить что-то непригодное в пищу. Он скрупулезно соблюдал каждый пункт рецепта, поэтому куриные крылышки вышли нормальными. Морской окунь на пару потребовал еще меньше усилий. Купленная упаковка лапши быстрого приготовления осталась забыта в углу комнаты. Закончив кушать, Жун Тин с довольным лицом протер губы салфеткой. Не то чтобы отец-император готовил восхитительно — нет, до уровня матери-императрицы ему еще далеко, — но Жун Тин просто почувствовал... что его жизнь словно бы стала чуть более полноценной. Он пробовал и блюда матери-императрицы, и стряпню отца-императора. В этом и правда было что-то приятное.

Жун Хэн, мывший посуду, посмотрел на сына с некоторой горечью в душе. Будь ему хотя бы лет десять, он бы мог оставить эту работу ему...

Хоть в квартире и была посудомойка, Жун Хэн не умел ей пользоваться. Ему оставалось только закатать рукава и самостоятельно все отмыть.

Он впервые в жизни занимался подобного рода делами.

Жун Хэн самоуничижительно, беспомощно усмехнулся. Гордость была у него в крови, но спустя столько лет после потери жены он был готов делать все то, чем раньше отказался бы заниматься даже под страхом смертной казни. К примеру, ухаживать за ней, как обычный мужчина, или уступать ей.

Жун Тин обычно в такое время отдыхал, но сегодня дома были лишь он и отец-император, поэтому спать он не осмелился. Он уселся на диван и принялся листать «Историю падения династии Мин», изо всех сил стараясь не закрывать глаза.

— Неплохая книга для прочтения. Из неё можно вынести много полезного, — произнес Жун Хэн, сев рядом. — Каждая династия процветает и прекращается, многие вещи нельзя подчинить своей воле. Например, у великой династии Е спустя десятки лет может появиться невежественный правитель, и из-за того, что народу придется выживать, рано или поздно найдется тот, кто свергнет этого правителя.

— Отец-император! — Жун Тин не думал, что Жун Хэн такое скажет.

— Не стоит так удивляться. Как наследный принц, ты должен дать только два обещания. Первое: быть хорошим императором, когда взойдешь на трон. Второе: выбрать подходящего преемника. Для многих уже хорошо преуспеть в первом, но я надеюсь, что ты будешь способен выполнить их оба.

Жун Тин сжал руки в кулачки. Он растерялся, не понимая, что такое говорит отец-император.

Он ненадолго затих, прежде чем собраться с мыслями и повернуться к Жун Хэну:

— Отец-император, у меня есть один вопрос. Не мог бы ты мне его прояснить?

— В чем дело? — Жун Тин развернул газету.

— Отец-император, правда ли ты ничего не помнишь?

Жун Хэна вопрос не удивил, в конце концов, он своего сына хорошо знал. Он тихо спросил:

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне кажется, что у тебя нет амнезии, — Жун Тин уставился на него. — Я все время чувствовал, что что-то не так, пока не увидел, как ты подарил матери-императрице цветы сливы. Сомневаюсь, что это было совпадение. Отец-император, вчера я без твоего разрешения тебя проверил. Выражение твоего лица, когда ты увидел нефритовую подвеску Гуаньинь, подтверждает, что ты не потерял память. Но я не могу понять, почему ты это делаешь. Почему ты лжешь?

Жун Хэн затих, затем лишь констатировал:

— Ты ей сказал.

— Да, я рассказал матери-императрице все еще вчера. Мать-императрица сказала, что ложь бывает разной. Я не знаю, к какому виду отнести твою, и я не понимаю твоих намерений.

Жун Хэн мгновенно изменился в лице:

— А что еще она сказала?

Жун Тин на долю секунды задумался. Он наклонил голову к плечу и ответил:

— Мать-императрица сказала, что ты выполняешь свои обязанности и как отец, и как император, и что у тебя, должно быть, свои собственные соображения. Мать-императрица не выглядела удивленной. Я спросил ее, и она сказала...

— Что она сказала? — спокойствие Жун Хэна как рукой смело. Даже появилась некоторая нервозность.

— Мать-императрица сказала, что уже привыкла, — Жун Тин не понимал, и продолжил бормотать: — Может, дедушка часто обманывал мать-императрицу...

Сердце Жун Хэна пронзил нескончаемый поток удивления.

Да, он думал, что ее странное поведение было таким из-за Жун Тина, что он ей что-то сказал. Если так подумать, Жун Хэн действительно сделал фатальную ошибку. Из-за своего высокомерия он упустил идеальный момент, чтобы объясниться.

Хоть и будучи ужасно взволнованным и шокированным, Жун Хэн все же взял себя в руки.

Его сын все еще ждал ответа.

Жун Хэн уставился на свои руки. Смогут ли они удержать ту, которую так хотелось?

— Отец-император... — тихо позвал его Жун Тин, ну услышав ответа.

Жун Хэн пришел в себя и принял прежний невозмутимый вид. На его лице даже появилась беспомощная улыбка, когда он с горечью ответил:

— В своей жизни ты еще не раз столкнешься с тем, что не сможешь всё удержать под контролем. Соврать тебе и твоей матери-императрице я действительно решил после долгих раздумий. Может, вскоре ты все поймешь, но я лишь надеюсь, что тебе никогда в жизни не придется испытать того же. Человек, который всеми силами старается лгать, в душе на самом деле всегда боится, что где-то ошибется. Жун Тин, дело не в том, что я хочу лгать. Дело в том, что у меня нет иного выбора.

Взгляд Жун Тина опустел. Будучи ребенком, он не понимал значения слов отца, точно так же как не понимал матери-императрицы.

Жун Хэн вытянул руку, немного поколебавшись, но все равно похлопал сына по плечу и с улыбкой произнес:

— Отец-император надеется, что ты станешь сильным и храбрым правителем и не повторишь моих ошибок.